

Владимир Галактионович Короленко

Дневник, 1917-1921

Владимир Галактионович Короленко

Дневник, 1917-1921

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22129306

Аннотация

«Мучаются здесь ужасно. Стоим, несмотря на морозы декабря, в бараках, в грязи, тело близко к телу, и повернуться негде. Нашу роту называют дисциплинарным батальоном. Розги, пощечины, пинки, брань – обыденная вещь. Нечто страшное творится. Солдаты записываются в маршевые роты на позиции, лишь бы отсюда... Вот как мучаются, и сидеть дома нельзя. Надо быть здесь...».

Содержание

1917 год

4

Конец ознакомительного фрагмента.

64

Владимир Короленко

Дневник, 1917-1921

1917 год

4января

Письма с фронта:¹

«Мучаются здесь ужасно. Стоим, несмотря на морозы декабря, в бараках, в грязи, тело близко к телу, и повернуться негде. Нашу роту называют дисциплинарным батальоном. Розги, пощечины, пинки, брань – обыденная вещь. Нечто страшное творится. Солдаты записываются в маршевые роты на позиции, лишь бы отсюда... Вот как мучаются, и сидеть дома нельзя. Надо быть здесь».

«В последние дни, дни праздника, достали мы (нас кучка интеллигентных солдат) газеты. Нас все время окружают толпы по очереди. Физиономии, тела, все движения – олицетворение вопроса: а что? Мир? И вместо ответа на этот вопрос мы им рассказываем о Распутине, о Протопопове² и т. д. Брови грозно сдвигаются, кулаки сжимаются».

«Дедушка. В нашей роте 650 человек различных возрастов, начиная с 18 лет и кончая 42-43-мя. Ни один не знает задач войны; они им чужды. А в Думе кричат, что народ не

хочет мира. Путаница... Уже 6 утра. Надо идти на занятия».

6 янв<аря>

Председателем Государственного совета назначен И. Г. Щегловитов³, ренегат, как и Протопопов, только много его умнее. Я его знал лично по Нижнему. Фигура интересная, умница, начинал товарищем прокурора в Нижнем, и мы оба встретились на «мужицких делах» в Горбатове⁴. Я – молодой еще, начинающий карьеру писатель, он – молодой товарищ прокурора. Между нами установилась симпатия: мне пришлось отметить идиотские глупости председателя и прекрасные речи обвинителя, нередко переходящие в защиту.

Потом Щегловитов напечатал в московском «Юридическом вестнике» статьи, в которых доказывал необходимость введения в законодательство права физического сопротивления незаконным распоряжениям полиции. Мы встречались впоследствии: во время дела павловских сектантов⁵, где суд действовал по прямой указке Победоносцева (даже объявление приговора было задержано на 2 или 3 дня: приговор был послан на одобрение в Петербург!). Щегловитов был прислан от министерства юстиции. Защитникам (Муравьеву и Маклакову) выставлял себя защитником законности, но роль его была уж очень сомнительная.

Потом я еще раз его видел уже министром. Я с покойным

Якубовичем⁶ ходили к нему, чтобы предупредить готовившуюся катастрофу на Каре. На этот раз Щегловитов исполнил просьбу и катастрофа хоть на время была отсрочена.

Потом Щегловитов все более определялся, и мне приходилось в статьях в «Русском богатстве» и «Русских ведомостях» отмечать вскользь эту эволюцию. После дела Бейлиса Щегловитов в речи при открытии какого-то учреждения по судебной экспертизе уже счел нужным отметить, что писатель Короленко идет против суда присяжных (мои статьи: «Г.г. присяжные заседатели»). И я был предан суду, который не закончен и до сих пор⁷. В конце концов Щегловитов, образованный и умный, писавший о праве сопротивления, – теперь идет на помочах шайки темных черносотенцев и его имя – синоним темнейшей реакции наряду с Максаковым⁸.

7 января

Ушел еще Д. С. Шуваев, военный министр, на его место Беляев (М. Д.). Среди товарищей министров тоже большие передвижения. Около 4 янв. уволен В. А. Балыц, тов. министра внутренних дел. Бывший товарищ председателя Государственного совета И. Я. Голубев – переведенный в неприсутствующие члены Государственного совета, подал прошение о полной отставке. «Это, – пишут газеты, – третий случай отставки, отказа от звания члена преобразо-

в«анного» Государственного» совета по назначению». Ушел тов«арищ» министр» нар«одного» просвещ«ения» Рачинский. Уходят министры Н. Н. Покровский (мин«истр» ин«остранных» дел) и В. Н. Шаховской (мин«истр» торг«овли» и промышленности). Тов«арищ» министр» юстиции Веревкин после беседы с Щегловитовым отклонил предложение Добровольского остаться временно его товарищем. Объявлена отставка по прошению тов«арища» министра вн«утренних» дел» М. В. Волконского.

10 янв«аря» 1917

Из письма к А. Г. Горнфельду⁹ (о «Слепом» музык«анте»».
...Щербина¹⁰ человек» очень почтенный и прямо замечательный, если принять во внимание огромную силу, кот«орую» пришлось ему употребить на преод«оление» трудностей, не существующих для зрячих. Но этот слепой – прямая противоположность моему слепому, романтику и мечтателю. Щербина – позитивист до мозга костей. Он или судьба за него выполнила то, что хотел исполнить мой дядя Максим: разбил задачу на массу деталей, последоват«ельных» этапов достижимого, получил от суммы определ«енных» слагаемых известное удовлетворение «достижения», и это закрыло от него дразнящую тайну недостижимого светящегося мира. И он успокоился... в сознании. И уверяет, что он доволен и счастлив без полноты существования. Доволен – возможно. Счастлив – наверное нет. Можно вырасти в темном и затх-

лом подвале, никогда не испытал, что такое веяние свободного воздуха, аромат полей и лесов. Что ж. И тогда можно сказать: «нельзя тосковать о том, чего не знаешь»... Но все-таки тут будет ослабленный темп жизни, угнетенность, бессознательная грусть... Толчок, искра... и тоска станет сознательно-мучительной.

Но и кроме того, я считаю свой спор со Щербиной (да и не с одним Щербиной) нерешенным. Я убежден, что прав я: органически врожденная способность воспринимать световые ощущения требует органически же удовлетворения. Одним из элементов моего замысла был слепой, сидевший на дороге, залитой солнцем. И тогда еще я подумал: солнце должно его дразнить и возбуждать особенным образом. Ведь раньше, чем биологически выработались очки, называемые глазами, – наши протозоиические предшественники видели (зародышевым зрением) всей поверхностью своего простейшего тела. Эта «помраченная» способность наших нервных клеток может выступать и обостряться во тьме «безглазия», как выступают звезды ночью. Солнце их поглощает своим избытком света, но только перекрывает, а не тушит. Солнце уходит, они выступают в наступившей тьме. Все это в свое время (задолго до «Слепого» музык<анта>») я продумал, читая Карпен-тера («Физиология ума»)¹¹, и потом вспомнил при виде слепого на дороге. Это окрепло под влиянием биологических идей Михайловского¹². И теперь я продолжаю считать, что я в своем замысле прав. И когда я (у себя за сто-

лом) смотрел на Щербину, уверявшего, что он доволен и что ничего более ему не нужно, – я видел то же самое.

25 янв<аря>

События бегут быстро. Третьего дня газеты принесли известие о разрыве дипломатических отношений между Германией и Америкой... А у нас все продолжается мин<истерская> чехарда. Говорят опять о возвращении А. Ф. Трепова и Игнатьева...¹³ Там, очевидно, мечутся, как перед пожаром. Теперь «воробьи чирикают на крышах» о таких вещах, о которых еще недавно люди только шептались. Слухи, слухи! Рассказывают, будто где-то кто-то стрелял в царицу. Вероятно, пустяки, но пустяки характерные. И приурочивается это к высшим кругам, гвардейским офицерам и т. д. В воздухе носятся предположения о дворцовом перевороте... Много оскорблений величества. Ходит характ<ерный> анекдот, хотя мне передавали его со слов какого-то тов<арища> прокурора. Мужика допрашивают по поводу оскорблений высочайшей особы. – Та чім же я его оскорбив! Я ж тильки сказав: «нащо він дурний, тоі німіц (выразился еще резче) вірить?»

Америка разорвала дипломатические сношения с Германией.

26 янв<аря>

К украинству:

Из письма священнику Симоновичу на его простодуш-

ный вопрос, почему я не пишу об украинском народе: «Вы, Гарин¹⁴, другой, третий, будете с удовольствием описывать Керженец, чалдонов, японцев, корейцев, – кого угодно, только не малороссов...»

«Вы спрашиваете, почему я мало писал из жизни Украины? Моя жизнь сложилась так, что в тот период, когда определяются литературные склонности и накапливаются самые глубокие и сознательные впечатления, – я находился далеко от Украины: в северо-восточной России и далекой Сибири¹⁵. С тем народом я жил, там проехал и прошел тысячи верст по русским и сибирским трактам и бесконечным рекам, с теми людьми работал в полях и лесах. Понятно, что Украина осталась для меня в виде воспоминаний детства и прошлого, почему и в моих произведениях отразилась лишь такими рассказами, как „Лес шумит“ или „Судный день“, а Россия и жизнь ее народа вошли в воображение как настоящее, как часть моей собственной жизни.

Это о работе художественной. Что касается публицистики, то на Ваш вопрос я ответил раньше, чем он был задан» (ссылка на «Русские записки», «Русские ведомости» и «Украинскую жизнь»)¹⁶.

3 февраля

Амфитеатрова¹⁷ высылают (военные власти) из Петербурга. Место назначения выберет комиссия при министерстве

вн<утренних> дел.

Итак, Протопопов, организовавший «прекрасное газетное предприятие», высылает фактического редактора этого предприятия. Известие явилось несколько дней назад, а теперь (дня 2) появилось и объяснение: в 22 Но «Русской воли» (от 22 февр.) появился фельетон Амфитеатрова «Этюды», представляющий довольно безвкусный набор громких слов... «У старых езопов разгорелись давним негодованием, алой грозой охваченные хохочущие очи. Лавы, озера, потоки, а результатов еще – ау! Куцая целесообразность уничтожает „яд“... едва щадя его носителей, если совесть общественная зазрит, да атаманы велят: „ахни!“»

Если прочитать только первые буквы, то весь фельетон даст криптограф: «Решительно ни о чем писать нельзя»... И т. д. Автор жалуется на цензуру, которая все вычеркивает. А о Протопопове сказано (в приведенном выше отрывке): «... такого усердного холопа реакция еще не создавала»... «его власть – провокация революционного урагана».

Странный школьнический прием со стороны старого и опытного писателя. Все это говорится и без криптограмм, и для всех, кто читает передовые газеты, – это общее место.

14 февр<аля>

Много разных событий, из которых каждое в другое время (при разоблачении, конечно) было бы огромным скандалом, а теперь проходит как совершенно привычные «скан-

дальчики». Бесстыдник Раев, обер-прокурор св'ятейшого синода, распоясался в синоде по-домашнему и официально выступил по бракоразводному делу своего приятеля проф. Безроднова и его любовницы (против жены) в качестве одновременно и свидетеля, и докладчика, и обер-прокурора. В три дня без ее ведома жену «оставили» и выдали паспорт с отметкой о прелюбодеянии. Нашлась в придворных кругах какая-то белая ворона генерала Мамонтова¹⁸ (у приема прошений, на высочайшее имя подаваемых), который дал ход прошению жены и не согласился затушить дело. Скандал вышел громкий, а оправдание старого пройдохи еще скандальнее. Основываясь на «регламенте», он без околичностей заявляет, что Мамонтов не имел права давать ход жалобе оскорбленной жены без его, старого бесстыдника, согласия! Оно, конечно, до сих пор так и делалось, и оттого-то и развелось столько бесстыдства и наглости, оттого на глазах у всей России бесстыдничали и любимчики Сухомлиновы¹⁹.

Из письма к С. Д. «Протопопову»²⁰. «У меня ощущение такое, будто не одна Россия, но и вся Европа летит кверху тормашками. Вы инженер по профессии и знаете из механики, что бывает, когда внезапно останавливается привычная инерция движения. Все загорается. А тут, шутка ли – вся Европа сошла с рельсов и летит под откос. И нет признаков, чтобы машинисты сознавали это».

23 *февр<аля>*

Закончился процесс Манасевича-Мануйлова²¹. Темный делец, сыщик в рокамболовском стиле, о котором итал<ьянские> газеты рассказывают удивительные и мрачные истории с сыском и политическими убийствами (он был командирован с особыми поручениями по сыску в Италию), похожие на роман, а русские – давно разоблачали грязные шантажные проделки; в посл<еднее> время – правая рука первого министра Штюрмера. Долго его не могли предать суду: то назначали суд, то снимали самым скандальным образом, скандализуя «самодержавие», потому что эта игра велась под прикрытием «высочайших повелений». Наконец предали и осудили, причем даже прокурор говорил, что «приподнята только часть завесы – только угол ее... Много лиц, много тайных пружин остались для нас скрытыми. Это дело только одно звено позорной цепи» («Русские ведомости», 19 февр., 1917, № 52). И тот же прокурор отметил близость этого давно ведомого шантажиста к Штюрмеру. Он заявил прямо: Мануйлов действовал в комиссии ген<ерала> Батюшина по поручению Б. В. Штюрмера.

Нет теперь в России человека, на которого бы обрушилась такая подавляющая глыба позора, как этот недавний первый министр. В разговоре с сотрудниками «Петр<оградской> газеты» – бедняга запросил пощады. Дайте, дескать, отдохнуть и одуматься. Да, эти люди в надежде на самодержавие шли старыми путями, не замечая, что если самодержавие еще мо-

жет защитить их от суда и ответственности, то уже бессильно защитить от позора. Они очутились в положении того толстовского (Алексей Толстой) генерала, который на парадном приеме очутился без штанов. Они очутились в таком виде на открытом месте, где их видит вся страна. И никто, никто не может прикрыть их наготу...¹

Генерал Батюшин тоже сильно скомпрометирован этим делом. Он получил особые полномочия по надзору за банками, и оказалось, что в руках этого военного генерала, представителя специфически сильной власти, – комиссия стала очагом шантажа. Мануйлов действовал в согласии с каким-то помощником присяжного поверенного Логвинским (кажется, брат военного члена комиссии), у которого в связи с делом Мануйлова произведен обыск, и он «освобожден от обязанности члена комиссии». Оказывается, что этот «член комиссии» по особому надзору за банками» недавно приобрел в Москве дом за 300 тысяч». Другой член той же комиссии, полковник Резанов... назначен во Владивосток. Говорят, что все дела, возбужденные комиссией генерала

¹ «Давал ли я или нет поручения Мануйлову (ответил Штюмер корреспонденту „Петроградской“ газеты“ на вопрос по поводу этого прокурорского заявления) – не нахожу возможным ответить. Слишком душа наболела, слишком измучился. Много, многое хотелось бы сказать. Но нужен отдых, забвение от всех пережитых мучительных тревожений. Действительность так мрачна, что хочется хоть какого-нибудь просвета. Как из душного склепа хочется на чистый воздух, забыться от этой действительности, похожей на кошмар. Дайте отдохнуть, потом уже спрашивайте, о чем хотите» («Киевская мысль», 1917, 21 февраля, № 52). – *Примеч. В. Г. Короленко.*

рала» Батюшина, передаются для дальнейшего расследования» гражданским властям².

26 февр<аля>

В Петрограде числа с 23-го – беспорядки. Об этом говорят в Думе, но в газетах подробностей нет. Дело идет очевидно на почве голодания; хвосты у булочных и полный беспорядок в продовольствии столицы.

1 марта

Дума распущена до апреля. Протопопов сваливает вину на Петр<оградскую> гор<одскую> думу и предписывает «принять меры». Лелянов²² отвечает, что гор<одское> самоуправление заготовило более 1–1 Г милл. пудов ржаной муки, но градоначальник и администрация предписали поставить запасы для фронта. Льется кровь.

Из письма:³ «Бледные сами по себе фигура и чувства не обязательно должны давать бледное изображение. Уж чего тусклее фигура Акакия Акакиевича у Гоголя. Но изображение этой тусклой фигуры врезывается так<им> ярким пятном в память читателя! Это показывает, что трагедия самой тусклой жизни может быть в изображении чрезвычайно яркой, оставаясь в то же время вполне правдивой».

² «Киевская мысль», 21 февраля 1917. – Примеч. В. Г. Короленко.

³ Адреса и полный текст этого письма установить не удалось.

3 марта

Приезжие из Петрограда и Харькова сообщили, еще 1 марта, что в Петрограде – переворот: 26-го последовал указ о роспуске Гос<ударственной> думы. Дума не разошлась. Пришли известия, даже напечат<анные> в газетах, что Дума избрала 12 уполномоченных, в число которых вошли представители блока и крайних левых партий. По общим рассказам – это временное правительство. Были большие столкновения. Войска по большей части перешли на сторону Гос<ударственной> думы. В «Южном крае» напечатано обращение Родзянко²³, призывающее к продолжению работы для фронта, – и письмо харь<ковского> гор<одского> головы к населению того же рода. На жел<езных> дорогах получено письмо Родзянко с обращением к жел<езнодорожным> служащим: «от вас родина ждет не только усил<енной> работы, но подви<га>». Мин<истр> путей сообщения Бубликов²⁴ предписывает расклеить эту телеграмму на всех станциях. Это уже очевидно обращение временного правительства. Всюду это встречается с сочувствием, но... страна точно в оцепенении. Вчера из Петр<ограда> мы получили телеграмму Сони²⁵: «Здоровы, все хорошо». В письме очевидицы М. А. Кол<омен<киной>²⁶ описываются некот<орые> события в Петрогр<аде>: в начале Невского из окна видны громадные толпы народа, среди них – полосой видны войска без ружей. Около них – красные флаги. В одном месте красное знамя. Поют револю<ю-

ционные» песни. Начинается обратное движение: толпа бежит, извозчики быстро сворачивают. Слышится... На этом письмо обрывается. Письмо раньше телеграммы (Соня телеграфировала в 8 ч. вечера 1-го марта). И она пишет в ней: все хорошо.

У нас в Полтаве тихо. Губернатор забрал все телеграммы. «Полт^авский» день» все-таки выпустил агентскую телеграмму с обращением Родзянка, перепечатав ее без цензуры из «Юж^ного» края». Но затем цензура не пропускает ничего. Где-то далеко шумит гроза, в столицах льется кровь. Не подлежит сомнению, что большая часть войск на стороне нового порядка. Говорят, казаки и некоторые гвардейские полки дрались с жандармами. Полиции нигде в Петрограде не видно.

А у нас тут полное «спокойствие» и цензура не пропускает никаких даже безразличных известий: какие газеты пришли, какие нет. Ни энтузиазма, ни подъема. Ожидание. Вообще похоже, что это не революция, а попытка переворота.

Слухи разные: Щегловитов и Штюрман арестованы, все политические из Шлиссельбурга и Выборгской тюрьмы отпущены. Протопопов будто бы убит, по одним слухам, в Москве, по другим – в Киеве. Царь будто уехал куда-то на фронт и оттуда якобы утвердил «временное правительство». Наконец – будто бы царица тоже убита...

9 марта

Не помню точно, какого числа я остановил ежедневные записи. . . В тот же день, когда написаны были последние строки, губернатор, задерживающий все телеграммы и грозивший «Полтавскому дню» трехтысячным штрафом за перепечатку телеграммы из «Южного края», вдруг отдал задержанные телеграммы агентства, и они были напечатаны. С этих пор события побежали с такой быстротой, что ни обсуждать, ни даже просто записывать их некогда.

Марта 24

Получил из Унген неожиданную телеграмму: «Из Ясс еду в Полтаву. Руководитель сорочинского восстания Николай Пыжов». Это, очевидно, тот таинственный Николай, который возбудил толпу в Сорочинцах до такой степени, что мужики арестовали станового, а когда явились казаки с исправником, то произошла свалка и исправника убили. Товарищ Николай, говорят, был в толпе, но когда началась стрельба, успел скрыться. 45 человек убито на месте, и, кажется, еще по разным местам было немало жертв. Одним словом – товарищ Николай – главная пружина «Сорочинской трагедии»²⁷. Почему он счел нужным сообщить именно мне известие о своем прибытии – не знаю. Не помню, чтобы мы где-нибудь встречались. И роли наши были весьма различны в самой трагедии.

Вчера (23-го) было собрание («вече») украинцев. Всякий национализм имеет нечто отрицательное, даже и защитный национализм слишком легко переходит в агрессивный. В украинском есть еще и привкус национализма романтического и бутафорского. Среди черных сюртуков и кафтанов мелькали «червоны жупаны», в которые нарядились распорядители. В таком жупане был седой старик Маркевич²⁸ и молодой знакомый Сияльского.....⁴ с лицом не то немца, не то англичанина, в бакенбардах. Говорилось много неосновательного, а один слишком уж «щирий» господин договорился до полной гнусности: по его словам, «Украина не одобряла войны, а так как ее не спрашивали (а кого спрашивали?), то она свой протест выражала тем, что будто бы украинцы дезертировали в количестве 80 %». Я при этом не был (ушел раньше); если бы был, то непременно горячо протестовал бы против клеветы: узенькое кружковство навязывается целому народу и сквозь эти очки рассматривается и искажается действительность. Никакого представления о необходимости «спрашивать у народа» его воли перед началом войны у украинцев, как и у русских, конечно, не было, и украинский дезертир уходил не потому, что у него не спросили, а по

⁴ Пропуск в тексте В. Г. Короленко.

разным побуждениям, не исключая малодушия и трусости. И уверение, будто украинский народ дал 80 % малодушных и трусов, есть клевета на родной народ «щирых украинцев», психология которых очень похожа на психологию «истинно русских».

Вернусь немного назад: 9 марта я получил следующую телеграмму:

«Временный комитет Госуд^арственной думы просит Вас по телеграфу прислать статью по вопросу о необходимости внешней победы для свободной России и о настоятельности скорейшего улажения несогласия и брожения в войсковых массах в отношении к офицерскому составу. Волнами от Петрограда идет брожение в умах солдат в связи с выпущенным советом рабочих депутатов приказом номер первый. Смущает единовременное появление приказов двух властей. Недостаточно ясна в сознании масс мысль о необходимости соглашения впредь до созыва учредит^{ельного} собрания. Предположено напечатать Вашу и статьи видных членов Госуд^арственной думы по этим вопросам в виде отдельных выпусков для массового распространения. В случае согласия телеграфируйте текст. Таврический дворец, члену Госуд^арственной думы Герасимову».

В результате этого призыва явилась моя статья, которую кто-то озаглавил «Отечество в опасности»²⁹. По этому поводу я получаю письма разного содержания, в том числе от непротивленцев, которые почему-то считали меня «продол-

жателем Л. Н. Толстого». Одно такое письмо я получил от Е. С. Воловика, который спрашивает: «Неужели есть такой мотив, во имя которого можно совершать дальше то ужасное, безнравственное дело братоубийства? Неужели есть такое обстоятельство, которое доказывало бы, что можно нарушить на время великую заповедь „Не убий“».

Я думаю написать статейку, в которой мне хочется ответить непротивленцам³⁰. А пока, как материал, заносу свой ответ Воловику:

«Вы очевидно принадлежите к числу людей, признающих, что человек никогда и ни при каких обстоятельствах не может проливать кровь и отнимать жизнь у другого. Я этого мнения не разделяю. Если на меня нападает мой ближний с целью отнять мою жизнь, то я считаю защиту, хотя бы с риском убить его, своим несомненным **правом**. Если насильник нападает на мою жену, дочь, на чужую мне женщину, ребенка, вообще на ближнего, то защиту силой я считаю своей **обязанностью**. Не знаю, согласитесь ли Вы с этим или нет. Если нет, – то мы просто говорим на разных языках и дальнейший разговор бесполезен. Если согласитесь, что в этих простейших случаях есть право и обязанность отразить силу силой, – то дальше, все усложняя вопрос, – мы придем к войне, в которой люди защищают родину. Вопрос очень сложный. Я много над ним думал, и думал с болью, и пришел к тому выводу, который изложен в моем воззвании. Как я и сказал в начале этого воззвания, – я считаю войну великим

преступлением всех народов, но в этой трагической свалке моя родина имеет право отстаивать свою жизнь и свободу, а значит, мы, дети своей родины, имеем обязанность помогать ей в этом, в пределах защиты во всяком случае.

Толстовских взглядов на этот предмет я никогда не разделял и когда-то ясно высказал это в рассказе „О Флоре-римлянине и Менахеме-царе“³¹. Желаю всего хорошего. 29 марта 1917».

Апреля <19>15

К войне. Из письма (Марии Ал. Кудельской)³². «... Что касается той ужасной свалки, которая теперь происходит, то, конечно, она именно ужасна. Но разве Вы не знали, что это бывало много раз? Тридцатилетняя война обратила чуть не всю Европу в пустыню, и, однако, никто не отрицает, что и тогда и после в человечестве было не одно зверство, но и проявления высоких стремлений, и сквозь дым и кровь вошли в жизнь и скристаллизовались идеи реформации. Возможно, что и теперь сквозь дым и кровь пробьются ростки, которыми преобразится на огромном пространстве вся жизнь. Разве Вы не видите, что наряду с величайшей войной идет и величайший протест против войны? Он не смог остановить свалки, и она разразилась еще раз, но то огромное движение протеста против нее, даже при невозможности на этот раз от нее уклониться и не принять в ней участия, – является предвестием, что этому общему и длительному пре-

ступлению народов будет все-таки положен конец. Ведь если оценивать жизнь односторонне только такими мерками, то и после внимательного чтения мрачных страниц истории следует пустить себе пулю в лоб.

Простите несколько ворчливый тон этого письма. Я тоже устал. Следует все-таки помнить, что после степного пожара опять зеленеют травы, а за погибшими людьми идут новые поколения с своими правами на жизнь. Это – такой же факт, как и смерть. Об нем также следует помнить, как и о ней».

Апреля 17 (1917)

Из письма солдата из Сибири: 1917 года, марта 27 дня.«... Дорогая сестра. Я прошу вас приложить свою гуманность и наперечь последние силы и всеми средствами стремиться к организации страны. Хотя действительно: войско все на стороне народных представителей. Войско и без организации хорошо понимает, в чем дело. Кому не надоело то гнилое правительство, которое рухнуло бесследно. Все солдаты жалеют, почему так долго не повесют Николая II и его проститутку. Прости за выражения. Ведь они надоели, даже о них и говорить неохота». Далее рассказывает о другом: как унтер все придирался к солдатам пьяный и как они его побили.

Этот солдат большой охотник писать. Через 2 дня опять пишет, но уже в несколько менее бодром тоне:

«Очень трудно совладать с совершенно мало понимающими. Вот в нашей роте хорошего нет ничего, а лишь дра-

колют друг друга и никакими судьбами с ними не совладаешь. Но все-таки по моему наладится. Теперча избирают других делегат в комитет более сведущих и надежных. Главное, нет никаких самостоятельных законов. Офицеры совершенно ничто, не одушевляют солдат, и смотрят сурово, будто что-то потеряли... Теперча требуются более образованные люди, дабы уговорить непонимающих.

Теперча здесь было заседание, на котором говорилось о праве женщин, что и внесло смуту между солдат, которую трудно было успокоить. Очень много непонимающих. Ну, авось это постепенно исправится и войдет в колею».

*К 1917 году*³³

Наш русский фронт парализован. Этим немцы воспользовались для удара в Италию. Забрав с нашего фронта «не только отдельные части армии, но целые армии, противник энергично повел наступление. Задавленные артиллерией, которая теперь не нужна на русском фронте, итальянцы потеряли позиции и отступают внутрь страны. Немцы вышли уже на венецианскую низменность, заняли Удино, взяли 120 т. пленных и более 700 орудий. Идут на Венецию».

Характерно: «Vorwärts»³⁴ даже после преобразования, сделавшего его органом среднего, а не левого социализма, предостерегает против аннексионных настроений.

«Газета считает ближайшей задачей германской политики определенно указать, что самые блестящие успехи в Италии

ничего не меняют в мирной политике Германии и ее союзников. Итальянское наступление не может служить началом завоевательного похода.

В Австрии никто не думает об обратном завоевании Венеции, Милана и Ломбардии, принадлежавших ранее Австрии»⁵.

По-видимому, в германском социализме, несмотря на патриотизм, не умерли и истинные заветы интернационала, предостерегавшего и от захватов и от разрыва с идеей отечества.

1917 (октябрь)

Пытаюсь приняться за отметки происход^{ящих} событий после огр^{омного} перерыва. (Не уверен, что нет отрывков дневника в других тетрадях)³⁵.

26 октября

Костя Ляхович³⁶ вернулся сегодня в 9 ч. утра. Всю ночь провел в совете раб^{очих} и солд^{атских} депутатов и в переговорах с юнк^{ерским} училищем. Юнкера раздобыли 20 пачек патронов и везли с вокзала к себе в училище. Солдаты остановили автомобиль и отняли патроны. Это было ночью. Юнкера предъявили ультиматум: если к 3 ночи не отдадут патронов, они идут на совет с оружием. Кое-как уда-

⁵ «Биржевые ведомости», веч., 19 октября 1917. – Примеч. В. Г. Короленко.

лось достигнуть компромисса и предотвратить столкновение. Полтава рисковала проснуться в огне междоусобия... Вечером (7 час.) заседание Думы (публичное) в музык«альном» училище. Будут рассуждать о положении... Теперь идет кризис повсюду: большевики требуют передачи власти советам. Другие, более умерен«ные» партии – за временное правительство. В столицах, быть может, уже льется кровь.

В гор«одском» саду стоит часовой у «чехауза». Стоят они часов по 10-ти подряд. Скучают, охотно вступают в разговоры. Я подошел. Молодой парень, бледный, довольно изнуренный. Был уже 2 года на фронте, у Тарнополя участвовал и в наступлении и в отступлении. Говорит, что если бы удержались наши, – были бы уже во Львове. Пришлось отступить. – Почему? Солдаты не захотели наступать? – Нет. Офицеры «сделали измену». – «Нашему командиру чехи наплевали в лицо. Почему ведешь солдат назад?» Солдаты, как можно, солдаты хотят защищать отечество... Начальство изменяет, снюхались с немцем.

Это довольно низкая тактика большевиков. Дело обстоит обратно: офицеры стоят и за наступление, и за оборону. Большевистская агитация, с одной стороны, разрушает боеспособность, агитирует против наступления и затем пользуется чувствами, которые в армии вызывают наши позорные поражения, и объясняет неудачи изменой буржуев-офицеров. Ловко, но подло.

Прочел довольно правильную характеристику настроения

в «Голосе фронта»³⁷ (15 окт. № 38). Озаглавлено – «Неверие» (авт<ор> – Влад<мир> Нос).

«Вспыхнула и прокатилась по необъятным русским просторам какая-то удивительная психологическая волна, разрушившая все прежние, веками выработанные и выношенные мировоззрения, ступшевавшая границы и рубежи нравственных понятий, уничтожившая чувства ценности и священности человеческой личности, жизни, труда.

– Я никому теперь не верю. Не могу верить!.. – с мучительной страстностью говорят некоторые солдаты.

– Я сам себе не верю, потому что душа у меня стала как каменная, – до нее ничего не доходит... – сказал мне в минуту откровенности один искренний, простой человек.

В горнило политической борьбы брошено все, чем до сих пор дорожил и мог гордиться человек. И ничто не осталось не оклеветанным, не оскверненным, не обруганным. Партия на партию, класс на класс, человек на человека выливают все худшее, что может подсказать слепая, непримиримая вражда, что может выдумать и измыслить недружелюбие, зависть, месть. Нет в России ни одного большого, уважаемого имени, которого бы сейчас кто-нибудь не пытался осквернить, унижить, обесчестить, ужалить отравленной стрелой позора и самого тягостного подозрения в измене, предательстве, подлости, лживости, криводушии...

Что даже в среде самой демократии ругательски ругают всех и вся: и Керенского, и Ленина, и Чернова, и Либера,

и Дана, и Троцкого, и Плеханова, и Церетели, и Иорданского... Ругают с ненавистью, с жестокой злобностью, с остервенением, не останавливаясь в обвинениях, самых ужасных для честного человека. И все это с легкостью необыкновенной. Нет ничего теперь легче, как бросить в человека камень.

Внезапно, как-то катастрофически бесследно угасла повсюду вера в честность, в порядочность, в искренность, в прямоту. У человека к человеку не стало любви, не стало уважения. Забыты, обесценены и растоптаны все прежние заслуги перед обществом, перед литературой, перед родиной. Люди превращают друг друга в механически говорящих манекенов. Жизнь переходит в какой-то страшный театр марионеток.

Жить так нельзя – это невыносимо ни для каких сил. Отдельный человек, утративший веру во все и всех, с „окаменелой“, не воспринимающей окружающего мира душой, поставленный в безысходный нравственный тупик, сходит с ума или накладывает на себя руки. Человеческое общество, народ, как стихия неизмеримо сильнейшая и обладающая неистребимым инстинктом жизни, к самоубийству не придет, но оно может вспыхнуть ужасающим кровавым пламенем, чтобы попытаться в нелепой жестокости найти выход из кошмарного настоящего.

Отрава безверия страшней, чем мы думаем. Ее надо уничтожать всеми доступными нам силами.

Надо вернуть ценность человеческой жизни и челове-

ской личности.

Надо восстановить в потерявшихся, усталых массах уважение к животворящей святости и честности мысли».

«Голос фронта» – левая газета. Стоит за временное правительство, но нападает на кадет, на «буржуазию», на корниловцев. И она говорит, что жить так нельзя... Вот где основной тон антиреволюционного настроения.

29 октября 1917

В Петрограде большевистский мятеж. Давно уже большевистский совет рабочих и солдатских депутатов образовал военно-революционный комитет и потребовал, чтобы штаб Петроградского военного округа подчинился его контролю. Правительство потребовало роспуска комитета. Большевики призвали гарнизон к вооруженному выступлению. 25 октября в 11 ч. из Петрограда отправлена телеграмма временного правительства всем комиссарам.

«Циркулярно. Комиссариатам временного правительства. От временного правительства.

Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов объявил временное правительство низложенным и потребовал передачи ему всей власти под угрозой бомбардировки Зимнего дворца пушками Петропавловской крепости и крейсера „Аврора“, стоящего на Неве.

Правительство может передать власть лишь учредительному собранию, а посему постановлено не сдаваться и пере-

дать себя защите народа и армии, о чем послана телеграмма ставке.

Ставка ответила о посылке отряда.

Пусть армия и народ ответят на безответственную попытку большевиков поднять восстание в тылу борющейся армии.

Первое нападение на Зимний дворец в 10 час. вечера отбито».

Таким образом, в столице уже льется кровь. У нас в Полтаве совет раб<очих> и солд<атских> депутатов давно стал большевистским и сделал попытку тоже захватить власть. Бедняге Ляховичу опять пришлось провести тревожную ночь. Все говорят, что он действовал энергично и прямо. Он потребовал от большевиков категорического> ответа: чего вы хотите? Если захвата власти по примеру петроградских большевиков – скажите это. Тогда – война!

Гласный> Ляхович говорит о действиях меньшинства революционной демократии, проводившего политику раздробления, преступную политику разрушения единства демократии, оратор называет большевиков – преступной кучкой заговорщиков и говорит, что в вопросе восстания большевики не были едины внутри себя. «Мы должны вынести свое мнение относительно этого выступления и осудить его, как опирающегося на дезорганизованные массы. Если большевики продержатся у власти хотя бы 2 недели, то пред всей страной станет ясным положение, жалкое и бессмысленное,

в которое себя поставит новая власть. Городское самоуправление должно сказать, что его отношение к этому заговору только отрицательное, и постараться предотвратить вооруженное столкновение. Полтавские большевики должны выяснить свою позицию. Я требую ответа, считают ли полтавские большевики, что необходимо захватить власть в свои руки, и надеюсь, что он будет отрицательным. Тогда лишь мы сможем предупредить бессмысленное пролитие крови. Я требую, чтоб революционный совет заявил, чего он хочет», — заканчивает г. Ляхович.

Перед этим голосом человека, знающего твердо, чего он хочет, жалкие полтавские большевики растерялись. Они лепетали что-то маловразумительное. Правда, резолюция «совета» была все-таки двусмысленная. Между прочим, попробовали захватить почту и телеграф и даже на время ввели цензуру. Но почтовые служащие единогласно отказались этому подчиниться. Известия, приходившие среди дня, говорят о ликвидации восстания. Фронт единодушно высказался за временное правительство и посылает отряды в столицу. Все остальные социалистические и несоциалистические партии тоже. Железнодорожники стали на сторону «совета» и решили не пропускать этих войск. Но едва ли помешают. В вечерних телеграммах, которые стали известны, сообщается, что и в Петрограде части гарнизона уже раскаялись. Жалкое малодушное стадо, действительно человеческая пыль, взметаемая любым ветром!

Характерно, что в «революционный совет» в Петрограде избран, между прочим, Дзевалтовский³⁸, которого в Киеве солдатская масса внушительным давлением на суд освободила от приговора за несомненно изменнические действия на фронте, а у нас – жалкая его копия Криворотченко, который был арестован как «дезертир» за уклонение от военной службы. Большевики и украинцы провели его в городские головы, но арест заставил его оставить сие почтенное звание. Теперь его отпустили на поруки и суют всюду, куда возможно.

Я написал небольшую статейку³⁹, которую начал под одним впечатлением, кончил под другим. Писал все время с сильным стеснением в груди, доходившим до боли. Сначала мне казалось, что и в Полтаве должна пролиться кровь... Но кончится, кажется, благополучно. Большевистских избранников просто не допустили действовать... И они смиренно ушли...

31 окт<ября>

Керенский подошел с войсками к Гатчине, кажется, уже вошел в Петроград, а там с восстанием покончено. В Москве очищен от большевиков Кремль, но они держатся еще на вокзалах. «Идут переговоры». Вчера об этом уже выпущено у нас экстренное прибавление (номер в понедельник не выходит), но оно... запрещено цензурой. «Ввиду того, что эти „известия“ подобраны тенденциозно и у совета револю-

ции есть сведения прямо противоположного характера» – совет революции предлагает не выпускать их. Приезжал Дубов (редактор). Решили они выпустить газету, и прибавление уже продается на улицах. Ляхович предложил то же сделать в земской газете.

Положение своеобразно. Совет революции избран советом раб<очих> и солд<атских> депутатов, а совет – большевистский. Полтава повторяет Петроград: попытка «захватить власть». Но силы нет. Другие соц<иалистические> партии в ночном совещании призвали делегатов от войсковых частей и прямым опросом выяснили, что за выступление ни одна не стоит. Но... совет раб<очих> и солд<атских> депутатов все-таки выделил из себя «совет революции», заявивший притязание подчинить своему контролю почту и телеграф и пославший своих эмиссаров к губ<ернскому> комиссару. Губ<ернский> комиссар (украинец Левицкий) сбежал в Киев. Остался его помощник Николаев. Когда к нему явился эмиссар, которым избран дезертир Криворотченко, – тот отказался с ним работать. Почта тоже не признала новой власти, но все-таки «совет революции» существует, выпустил свое воззвание («призыв к спокойствию», смысл выжидательный) и установил цензуру! Пытаются извратить столичные све<дения> в благоприятном для большевиков смысле.

Интересно, что и Николаев (правит<ельственный> комиссар) выступает больше как член партии с<оциалистов>-революционеров, объединившейся с меньшевиками, чем как

представитель временного правительства!.. «Стыдливо и робко» социалисты-небольшевики не решаются прямо высказаться за временное правительство, а пассивно противятся большевистским выступлениям. Кончится, наверно, тем, что придется определиться.

Вечером у меня был казачий офицер Дм. Ник. Бородин, которого я знал мальчиком в Уральске. Он работал в Полтаве на селско-хозяйственной ферме, теперь является делегатом уральско-войска на казачьем съезде в Киеве. Среди этой сумятицы казаки занимают особое, прямо выдающееся положение. У них, как заявил и в Петрограде казак Агеев, совершенно нет дезертирства. Дезертир не мог бы явиться в станицу. Кроме того – еще не умерли выборные традиции. Произошло сразу что-то вроде перевыбора офицеров, и состав определился крепко: розни между офицерами и рядовыми нет. Поэтому казаки говорят определенным языком. В Киеве терский, кажется, казак Кривцов говорил с Радой, как и представитель казаков у нас – с советом: вы за спокойствие и против анархии – мы тоже. Вы хотите автономии. Мы у себя тоже думаем завести свои порядки и вам не мешаем. Но от России не отделяемся. Банки, почта, телеграф – учреждения государственные, и мы умрем, а захвата их не допустим. Это в Киеве говорил офицер, в Полтаве, кажется, рядовой. И этот голос людей, которые точно и ясно определили среди сумятицы свое положение и знают, чего хотят, и притом знают всей массой, – производит импониру-

ющее впечатление. Кажется, что казаки не кинутся и в реакционную контрреволюцию. Бородин пришел ко мне, чтобы узнать мое мнение о федеративной республике. Эта идея – охватила все казачество, потому что в «этой новизне их старина слышится». Я убежден, что будущее России – именно таково... и только в этой форме оно сложится и окрепнет как народоправство. Я говорил только, что опасаясь шовинистического сепаратизма и розни между казачеством и «иногородними». Оказывается, – на Урале, который теперь называется Яиком, – вопрос уже решен в смысле равноправия. Бородин мечтает, что организация казаческих областей даст первые основы для кристаллизации всего русского народа: среди разбушевавшейся анархии, – это, дескать, первые островки. Возможно.

Собираюсь написать статью об этом предмете. Мои сердечные приступы ослабевают, что пока видно по этому дневнику. Недавно не мог бы написать вот этого за один присест, не почувствовав стеснения в груди. В субботу появилась моя статейка в «Полтавском дне»⁴⁰. Всю ее я написал с этой болью в груди, порой совершенно не дающей работать. Но все-таки написал. И это улучшение.

1 ноября

Вчера я написал статью «Опять цензура» и отдал ее одновременно в «Вестник областного комитета» и в «Полтавский день». В «Вестнике» статья появилась. «День» вышел

в виде белого листа с надписью поперек: «Редакция „Полтавского дня“ протестует против воскрешения предварительной политической цензуры». Оказывается, ночью явился член «совета революции» Городецкий (полуграмотный портной-закройщик) с каким-то студентом и потребовали предъявить им оттиск газеты. Когда им дали – Городецкий зачеркнул (по указанию какого-то наборщика) известие о постановлении центрального комитета социалистов-революционеров – за временное правительство. В это время студент указал мою статью. «Смотрите: статья Короленко». Городецкий посмотрел и говорит:

– Ну, что ж! Вы думаете, у меня дрогнет рука? – И зачеркнул статью.

Костя был в заседании совета, когда сей новоявленный цензор пришел с докладом об этом. Здесь он все-таки немного устыдился и наврал:

– Я хотел пропустить статью многоуважаемого писателя. Но редакция заявила, что она напечатает одну эту статью на белом листе... Тогда я...

И он решительным взмахом показал, что он зачеркивает все. «Совет» постановил закрыть газету и реквизировать типографию. А правительственный комиссар (вернее, помощник. Комиссар Левицкий сразу сбежал) Николаев все еще не вырешил отношения своей партии социалистов-революционеров к временному правительству: за временное правительство она или против. В это время большевики привезли

ночью отряд сапер, настроенных большевистски. С отрядом пришли (вернее – солдаты их привезли) несколько юных и, конечно, покорных офицеров.

Если бы здесь было 3–4 решительных представителя власти, стоило бы только сказать слово – и все кончилось бы мирно. Но все охвачено каким-то параличом, и большевизм расплзается, как пятно на протечной бумаге. Полтава пассивно отдается во власть самозванных диктаторов.

Интересно: мне сообщили, что в совете можно говорить все что угодно. Не советовали только упоминать слово «родина». Большевики уже так нашколили эту темную массу на «интернациональный» лад, что слово «родина» действует на нее, как красное сукно на быков.

2 ноября

Сапер вызвали из Ромодана, как говорят обманом: сообщили, что Полтаву грабят и бесчинствуют казаки. Здесь их встретили с музыкой и дали несколько пудов колбасы. У военного начальства нет смелости призвать к порядку эту массу (кажется, 1,5 тысячи) прибывших без приказа. Впрочем, говорят, большевики тоже еще не вполне уверены и большевиками себя не называют. Расчет на то, что саперы не захотят после Полтавы, где их ублажают, вернуться в Ромодан (или Миргород?) и что в этой мутной воде можно вызвать какую-нибудь провокационную неожиданность.

Есть очень сомнительные личности среди этих воротил.

4-XI-17

Порхает с утра первый снег. Осень долго щадила бедных людей. Теперь насупилась, пошли несколько дней дожди, постояла слякоть. Теперь среди моросившего с утра дождя запорхали белые хлопья...

Приехала Маруся Лошкарева⁴¹, возвращаясь из Джанхота в Москву. До Москвы теперь не добраться. Трое суток не спала. Ехала во втором классе ужасно. В Харькове трудно было попасть в вагон. Села в третий класс с солдатами. Рассказывает о «товарищах» солдатах с удовольствием. Прежде всего помогли отделаться от какого-то железно-дорожного контролера, который захотел обревизовать ее чемоданчик. – Может, провизия? – Там действительно была провизия, которую Маруся везет в голодную Москву. Провизия в небольшом ручном чемоданчике! Теперь это служит отличным поводом для придирок и для взяток.

Солдаты приняли участие. – Дайте ему. – Маруся дает рубль.

– Как вы можете предлагать мне?..

– Дайте носильщику, – советует один солдат, – он передаст. – И тут же солдаты берут вещи без осмотра и несут в вагон. Она дает еще 3 р., и дело кончается.

Те же солдаты помогли ей в Полтаве вынести вещи и усадили ее на извозчика. Она вспоминает об этой части пути с удовольствием. На ней была «буржуазная шляпка» и во всю

дорогу в вагоне, битком набитом солдатами, – ни одной грубости...

А в это же время я получил письмо от железнодорожного служащего из Бендер: каждый день, отправляясь на службу, он прощается с семьей, как на смерть. Насилия и грабежи со стороны... опять-таки солдат. Близ станции – виноградники. При остановке поездов солдаты кидались туда и для скорости рвали виноград с плетями! Автор письма пишет с отчаянием, что же ему думать о такой «свободе»?

Это – анархия. Общественных задерживательных центров нет. Где хорошие люди солдаты – они защитят от притеснения железнодорожника, где плохие, там никто их не удержит от насилий над теми же железнодорожниками, честно исполняющими свой долг. Общество распадается на элементы без общественной связи.

Я написал статью «Прежде и теперь»⁴², где по возможности с усмешкой говорю о цензоре Городецком и полтавской цензуре. Она пока не пошла: «Вестником» овладели украинцы и... при «Вестнике» «тышком-нышком», тайно от Кости, разослали партийное воззвание с восхвалением своей партии и в ущерб другим. Костя узнал об этом уже после того, как эта гадость совершилась («Вестник» издается на средства официального учреждения). После этого мы решили взять мою статью. Солидарность с этими господами невозможна. Сделал это Андриевский при благосклонном участии официального редактора Щербакивського. Я как-

то написал статью «Побольше честности!»⁴³. Да, прежде всего недостает простой элементарно гражданской честности. И это определяет многое в нашей революции...

6 ноября

Итак, я начал с мокрого снега утром третьего дня и отвлекся.

Я хотел описать одну встречу.

Пошел по слякоти прогуляться в гор«одской» сад. Там стоит здание бывшего летнего театра, обращенного в цейхгауз. У здания на часах солдатик. Стоит на часах – это выражение теперь не подходит. Как-то недели 3 назад я подошел к солдату, сидевшему около этого же здания на каких-то досках. Невдалеке в углу стояло ружье. Оказалось – часовой. Поставили его в 12 ч. ночи. Я шел в 12 ч. дня. Его еще не сменили. Забыли, видно. Устал, голоден. Просил проходящего солдатика напомнить, но все никого нет... Я гулял в саду. Когда шел назад, солдат лежал на траве и, по-видимому, спал.

Я заглянул в лицо. Тот же.

Теперь часовой стоит в будочке, у ворот. Эта будочка была забита, но дверь выломана. Солдат стоит в дверях, издали оглядывая порученное его бдит«ельному» надзору здание. Усталое, землистое лицо, потухший печальный взгляд. Выражение доброе, располагающее. Ружье стоит в углу у стенки.

– Можно постоять с вами? (Дождь и снег пошли сильнее.)

– Можно. – Он сторонится. Разговариваем...

– Откуда?

– Уроженец Полтавщины, такого-то уезда. А жил у Болгарии... С отцом вышел 12-ти лет... Сначала жили у Румынии, Тульча-город. Потом подались у Констанцу, а потом стали жить под Варной. Подошла война. Пошел на службу... Болгары три раза требовали в Комиссию... Раз позвали. Мы говорим: мы русские подданные. Вам служить не будем. – А почему живете? – По пашпорту... – В другой раз позвали, уже с сердцем говорят: должны служить. Возьмем. – Воля ваша, хошь возьмите, хошь нет. А служить вам не будем. – Ну потом поехал с батькой к консулу. Сначала не хотел отпустить. Пашпорт просроченный. Ну, потом дал бумагу. Я и пришел сюда. Так тут четвертый год, в окопах был. Батько, жена, дети, все – там.

В голосе много грусти. В Тульче немного знал «русского доктора»⁴⁴. Это нас сближает. Я задаю вопрос:

– Не жалеете, что вернулись?

– А как же, когда на службу. Там тоже воевать пришлось бы.

– Так там близко от своих. В побывку бы можно. Может, там и лучше.

– Конечно, лучше.

Он задумывается и говорит:

– Как расскажешь тут, как они живут, так все говорят: куда нам!

Меня теперь очень интересует вопрос: осталось ли в сердце русского простого человека понятие об отечестве, или большевистская проповедь и война успела искоренить его без остатка. Да и была ли она, или то, что мы считали прежде любовью к отечеству, была простая инерция подчинения начальству.

– Так в чем же дело? – продолжаю я. – Почему вернулись?

Его печальные глаза как-то углубляются. Он смотрит молча на обнаженные деревья, на мокрый снег, на грязное дощатое здание цейхгауза и потом говорит:

– Дядки тут у меня. У одного пять сынов на позициях. У другого три. Мне братаны... И так вышло бы, что я против их ишол бы штык у штык!..

Вот оно, думаю я. «Отечество» для него – это отчина... Братья отца, его братаны... Недоразвитое еще понятие из родового быта. Но, оказывается, я ошибся. Едва я подумал это, как рядом со мной раздался опять его голос:

– Хошь бы и не було братанів... Как же пойдешь против своих. Хошь и давно на чужой стороне, а свои все-таки свои... Рука не здыметя... Так я... четвертый год...

Я смотрю на истомленное лицо, на морщинки около добрых, усталых глаз, и в нашей будке на время устанавливается атмосфера понимания и симпатии.

Я кладу руку на его погон и говорю:

– До свидания, брат... Желая вам поскорее вернуться к своим... Когда-нибудь эта война кончится...

– Давно бы можно кончить... Стояли мы на фронте в окопах... А «его» окопы близко. Сойдемся, бывало, разговариваем. Думаете: «он» хочет воевать. И он не хочет. Мы бы, говорит, давно «замырылыся». Ваши не хотят...

– Послушайте, – говорю я, – ведь это же хитрость. Немец не хочет. Он много захватил чужой земли...

– Нет, – говорит он с убеждением. – Если бы наши не стали тогда наступать, давно бы мы уже заключили мир... окопный, солдатский... Надо было делать наступление... Черта лысого!

Я уже чувствую нечто от «большевизма», но это у него так глубоко и непосредственно, что одной «агитацией» не объяснишь. Я пытаюсь объяснить простую вещь, что когда дерутся двое, то мир не зависит от желания одной стороны, напоминаю о призыве нашей демократии... Но он стоит на своем упорно:

– Когда бы не наступали под Тарнополем – теперь были бы дома... А нашто было делать наступление?..

Я объясняю: мы не одни. Порознь немец побил бы всех. Надо было поддержать союзников. Если бы солдаты не отказывались...

– Нечего виноватить солдатів, – говорит он, и в голосе чувствуется холодок. – Солдаты защищают... Как можно... Кто другой...

И он начинает рассказывать, и передо мной встает темный, мрачный, фантастический клубок того настроения, в

котором завязана вся психология нашей анархии и нашего поражения...

В основе – мрачное прошлое. Какой-то генерал на смотре, «принародно», т. е. перед фронтом, говорил офицерам:

– Г.г. офицеры, имейте внимание. «Он» больше целит в офицеров. Этого навозу (показал на солдат) у нас хватит...

– Слушайте, – говорю я. – Да это, может, только рассказы...

Его глаза опять как-то углубляются, и из этой глубины пробивается огонек...

– Какие же рассказы. Принародно. Не один я слышал. И другие... Это как нам было?.. На смерть идти. Навозу, говорит, жалеть нечего.

Он называет фамилию этого командира, но я, к сожалению, ее забыл. Могло ли это быть в начале войны? Я не уверен, что это было, но что могло быть в те времена, когда «благонадежное» офицерство щеголяло пренебрежением и жестокостью к солдату, – в этом я не сомневаюсь. «Народ» был раб, безгласный и покорный. Раба презирают. Где есть рабы, есть и рабовладельцы. Офицерство было рабовладельцами... Да, это могло быть, и этого солдат не может забыть. Теперь он мстит мстью раба...

Рассказ следует за рассказом. И теперь предмет их – измена... Места действия Юго-Западный фронт. Упоминается станция Лезерфная (?), местечко (что ли) Куровцы, Конюхи, Сбараж. Все места, которые я вспоминаю по газетам, где

шли бои, происходили и наступления, и отступления... 4-я дивизия, Владимирский полк. И всюду чувствуется измена. В одном месте пришли, заняли окопы. Поужинали, надо ложиться. Наутро что будет... Настелили в окопах соломы. Вдруг – приказ: выноси солому... Вынесли. Разложили так на возвышенном месте за окопами... Вдруг приказ: «зажигай!» Почему такое зажигай? Для чего?.. А это значит, чтоб ему видно было, куда стрелять. И он начал стрелять из орудий. Ну, правда, немного пострелял, пострелял, перестал...

Или еще: стоим, значит, рядом с четвертой дивизией. Ночь... И приказывает 4-й дивизии отступить: «он» обходит. Владимирцы уже отступили. Кола вас, говорит, пусто. Ну, те, конечно, отступать. Только отступают... А ночь, ничего не видать... И вдруг слышат – песня. А это наши на самых передовых позициях на заставе песню запели. Стой! Это что такое? Это владимирские песню поют, да еще на самых передовых заставах. Как же командир говорил, что они уже разбежались. Стой! Назад. Пошли опять у окопы. Засели... Глядят, а он, значить, утром подходит к окопам. Думаеть, у нас никого нет. Покинули. Идет себе беспечно. Подпустили они, потом ураз... Как вдарят... Он видит: не вышло, подался назад... После этого на другой день в 4-й дивизии вышел бунт. Командира и трех офицеров убили...

– А то было около Тарнополя. Мы как раз в лезерф отошли на отдых. Только остановились, стали обед готовить... Вдруг приказ: назад, опять в окопы. Который батальон нас

сменил (он называет, но я не помню) бросил окопы, ушли...

– Кто же? Солдаты, что ли?

– Пойдите... Кто тут разберет?.. Пообедать не успели, – айда скорее. Приехали на станцию Лезерфную, оттуда дошли до деревушки... Как она... вот забыл. Осталось совсем немного. Тут надо было, это и мы понимаем, – скомандовать: вперед, у цепь! А он вдруг и командуешь: спасайся кто как может... Обошли! Ну, тут уж, когда начальник сказал спасайся кто как может, – все и кинулись...

– Нет уж, – опять с враждебным холодком в голосе говорит он. – Что тут солдат виноватить... Не у солдатах тут причина... Не-ет! Солдат защищает, жизнь отдает...

При мне в Лондоне оратор армии спасения говорил, что он верит в существование дьявола. Больше: он знает, что дьявол есть, как знает, что есть волк и лисица⁴⁵.

И этот солдат с усталыми, печальными и несколько враждебными глазами знает тоже своего дьявола, как лисицу или волка. Он верит, он убежден в измене. Его дьявол – говорил «принародно» при прежнем строе, что солдаты, идущие на смерть, – навоз... Можно ли поверить, что теперь после революции этого дьявола уже нет. Он тут же. И это именно он изменяет отечеству. С одной стороны, он оттягивает мир, заставляет воевать вдали от семьи и детей, с тем чтобы темными ночами разводить огни на возвышенном месте. И когда немец начинает крыть наших ядрами, то для солдата ясна связь между гулом немецких пушек оттуда, с вражеских по-

зиций, и непонятными словами и действиями командиров, от которых зависит жизнь этой темной, усталой, ожесточенной толпы.

Я прощаюсь. С меня довольно. Я иду по аллеям сада, он остается в будке. И когда я, обогнув аллею, иду параллельно и кидаю взгляд по направлению к будке, то сквозь загустевшую пелену мокрого снега, между сырых темных стволов вижу в темном квадрате двери серую фигуру и доброе, печальное, озлобленное лицо. По-видимому, он следит взглядом за моей непонятной ему фигурой и думает: «Вот подходил... Кто и зачем... В пальто и шляпе... Расспрашивал. Что ему надо?..»

И быть может, моя фигура уже занимает свое место в этом фантастическом сплетении: война... непонятные приказы... ночные огни над головами на возвышенном месте и отзывающиеся на них глухие удары неприятельских пушек в ночной темноте...

И те первые минуты, когда мы вместе вспоминали русского доктора и Тульчу, заволакивает, заволакивает слякотно-мокрый, холодный снег...

Нет у нас общего отечества! Вот проклятие нашего прошлого, из которого демон большевизма так легко плетет свои сети...⁴⁶

13 ноября

Трагедия России идет своей дорогой. Куда?.. Большевики

победили и в Москве, и в Петрограде. Ленин и Троцкий идут к насаждению социалистического строя посредством штыков и революционных чиновников. Ленин прямо заявил: – Мы обещали, что в случае победы закроем буржуазные газеты, и мы это исполнили⁴⁷. Во время борьбы ленинский народ производил отвратительные мрачные жестокости. Арестованных после сдачи оружия юнкеров вели в крепость, но по дороге останавливали, ставили у стен и расстреливали и кидали в воду. Это, к сожалению, точные рассказы очевидцев. С арестованными обращаются с варварской жестокостью. У Плеханова (больного) три раза произвели обыск. Теперь его положение опасно⁴⁸. Я послал в «Народное» слово» следующую телеграмму:

«Глубоко возмущен насилием, совершенным в лице Плеханова над истинными друзьями народа, не забывшими, что сила революции в возвышенных стремлениях человечности, разума и свободы, а не в разнуздании животных инстинктов вражды, произвола, насилия. Животное побеждает порой человека в человеке, но такая победа не прочна. Бывают в борьбе случайные положения, когда, по словам поэта Якубовича:

Не тот, кто повержен во прах, побежден.

Не тот, кто разит, – победитель⁴⁹.

С зловещей печатью Каина на челе нельзя оставаться на-

долго вождями народа. Плод этой победы: убивающее партию негодование всего человеческого в стране»⁵⁰.

Вчера «Полтавский день» уже вышел. Петроградские газеты тоже уже пришли в Полтаву (последние от 4-го и 5-го). У этих насильников не хватило решимости и силы осуществить даже программу Ленина. «Речь», «Новое время», «Русская воля» все еще, правда, не выходят, но даже в умеренном «Народном слове» – пламенные статьи против большевиков. Большевизм изолируется и обнажается в чистую охлократию⁵¹.

Любопытно со временем для художника: в Петропавловской крепости теперь сидят одновременно царские министры – Сухомлинов, Щегловитов и свергнувшие их революционеры. «Народное слово» приводит краткий отзыв Щегловитова о событиях (в разговоре с американскими журналистами).

В этой газете находим такое сообщение: «Американские журналисты, посетившие Петропавловскую крепость, заявляют, что Щегловитов в курсе всех последних событий. Щегловитов говорит, что его переворот нисколько не удивляет. Он всегда был убежден в глубокой демократичности русского народа» («Народное слово», 7-XI-17).

Трудно сказать, что это такое: улыбка Мефистофеля или опять попытка подладиться к «демократизму» старого ренегата либерализма...

И пожалуй, при несколько других обстоятельствах это

легко могло бы удаться... Отсутствие людей, неразборчивость в них – это проклятие нашей революции, которое в глазах всех неослепленных людей определяет ее бессилие для социальных реформ. Когда-то я напечатал в «Русск<их> вед<омостях>» и перепечатал в Собр<ании> сочин<ений> изд<ания> «Нивы» описание поразительных истязаний, которые полицейские в течение целой ночи производили в одной из саратовских деревень⁵². Тогда «народ» этой деревни беспомощно и робко жался кругом избы, превращенной в застенок, шарахаясь, как робкое стадо, когда открывалась дверь. Урядника и стражников предали суду. Они отбыли наказание, и теперь мне пишут, что тот же урядник состоит «народным избранником» в одном из волостных земств той же губернии и через него Ленин будет водворять социалистический» строй посредством приказов.

Мне теперь часто приходит в голову следующее сравнение: из одного и того же углерода получается в лаборатории природы самоцветный кристалл алмаза и аморфный черный уголь. Почему? Химики говорят, что в частицах алмаза атомы расположены иначе, чем в угле.

Люди такие же частицы. Одними учреждениями их сразу не изменишь. В социальной лаборатории должна еще долго происходить их перегруппировка. Народ неграмотный, забитый, не привыкший к первичным социальным группировкам (организациям) – сколько ему ни предписывай сверху – не кристаллизуется в алмаз... Останется ли он и после рево-

люции аморфным угольным порошком, который ветер анархии или реакции будет еще долго взметать по произволу стихии, – вот роковой вопрос нашего времени...

О социализме пока, конечно, нечего и думать. Но между социальной революцией и анархией революционной или царистской есть много промежутков. Мне кажется все-таки, что уже есть некоторые кристаллизационные оси и Россия не совсем аморфна.

15 ноября

7 ноября Рада выпустила «универсал». Украина объявлена республикой⁵³. Центральной власти в России нет. Россия с треском распадается на части. Может быть, оздоровление начнется от периферии? Но есть ли власть и у Рады – тоже вопрос.

Вчера – последний день выборов для Полтавы в Учредит~~ельное~~ собрание. Выборы идут вяло. Сегодня в «Дне» опубликованы результаты (неокончат~~ельные~~). Огромное большинство за кадетами. Но результаты должны измениться: для солдат прибывшего полка выборы отсрочены, а солдаты дадут некот~~орый~~ перевес большевикам.

20 ноября

На днях приехал Сережа Будаговский⁵⁴, артиллерист. По дороге всех офицеров разоружили по распоряж~~ению~~ большевистского «сов~~ета~~ революции». На требование приказа –

предъявлен таковой в письменной форме: офицеров разоружить, генералов арестовывать. Оружие офицеры обязаны покупать на свой счет. Таким образом Будаговский ограблен этими озорниками на 500 р. только потому, что он – офицер!

На выборах успевают большевики. Прапорщик Крыленко, большевистский главнокомандующий, одержал тоже большой успех. Ему удалось завязать переговоры о перемирии⁵⁵. Немцам это на руку, и они серьезно с ним переговариваются. Но союзники заявляют, что такое сепаратное перемирие они сочтут поводом для войны с Россией. Большевистское безумие ведет Россию к неизвестным авантюрам. И надо признать: это безумие большинства активно-революционной демократии. Учредительное собрание может стать тоже большевистским.

В Бахмаче разграбили винный склад. Толпа была отвратительна. Одни садились у кранов и продавали спирт, неизвестно в чью пользу, другие давили друг друга, чтобы покупать и грабить. Опивались насмерть. «Чистая, интеллигентная» публика, не кидаясь в свалку, толпилась тут же, покупая награбленные бутылки. Газеты передают ужасающие, не совсем, быть может, верные, для эффекта преувеличенные подробности. Зять Селитренникова⁵⁶, служивший в Бахмаче, говорит, что, например, подробность, приводимая «Киевской» мыслью» (16 ноября), будто над горящим баком стояли люди на перекинутой через бак доске и, спуская котелки, «черпали горящую жидкость», причем доска подломилась и

люди упали в горящий спирт, – чепуха. Но он, как очевидец, говорит, что люди стали скотами. Между прочим: лежит пьяный, его обобрали кругом. Он приходит в себя, полуголый, и начинает реветь не по-человечески, как бык, которого режут. Потом обвертывает босые ноги какими-то тряпками и кидается опять грабить спирт и пить...

Но истинный ужас – это в тех полуинтеллигентных господах (телеграфисты, железнодорожники, чиновнички), которые, не рискуя и «не грязнясь», покупают тут же и уносят домой краденое и награбленное вино.

Как-то даже замирает естественное чувство жалости: не жаль этих опивающихся и сгорающих скотов. А в сущности, конечно, должно быть жаль.

То и дело всплывают разоблачения. Муравьев⁵⁷, «гатчинский победитель», – бывший черносотенец. По собственным его словам, он раскаялся в этих заблуждениях. Теперь сошел со сцены. С самого начала революции председателем большевистской следственной комиссии состоял матрос Ерофеев. При разгроме следственной тюрьмы в марте пропали принадлежащие тюрьме денежные документы. Эти документы «в начале прошлой недели» были найдены у Ерофеева, пытавшегося их продать. Кроме того, он вел широкую торговлю браунингами. Негодяй арестован («Киевская мысль» – 16 ноября. Из «Утра России»).

В качестве парламентаря к немцам послан Владимир

Шнеур, поручик гусарского полка. В 1906 году в Петербурге издавал газету «Военный голос» на субсидию из секретных сумм Министрства внутренних дел. Цель – секретное наблюдение за офицерами. Потом попался в подлоге и мошенничествах и скрылся за границу, где его тоже вскоре разоблачили... Теперь всплывает в роли парламентаря («Южный край», 17-XI)⁵⁸.

На заседание минского революционного комитета явился уполномоченный французского правительства генерал Рампон и заявил, что с той минуты, как Россия заключит перемирие с врагом, – она должна считать себя в состоянии войны с союзниками. «Генерал Рампон покинул собрание при гробовом молчании» («Южный край», 17-XI).

Китайцы уже заняли Харбин. Япония, конечно, тоже воспользуется положением. Вместо одной войны большевики могут навязать России несколько. Доморощенная, митинговая внешняя политика.

«Полтавский день» опять закрыт за... печатание объявлений⁵⁹: Большевики решили провести в жизнь идею Лассаля о государственной монополии объявлении. Без этого источника газета существовать не может и – закрыта.

22 ноября

Недавно (9 ноября) Пешехонов⁶⁰ поместил в «Народном слове» статью «Партийная драма», в которой отмечает раз-

ложение и прямую деморализацию в партии «социалистов-революционеров» перед выборами. Во главе Петроградского списка стоит В. М. Чернов⁶¹. «За этим двуликим лидером», который, как кто-то выразился:

Идет направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит, –

идут два имени Бор^{иса} Дав^{ыдовича} Каца (Камкова)⁶² и Григория^{Ильича} Шрейдера⁶³. Кац ярый большевик, хотя и социал-революционер, «былые отношения» которого к деп^{артаменту} полиции, как известно, до сих пор остаются не совсем ясными», и Шрейдер – ярый противник большевизма, – «давний и убежденный демократ без всякого пятна в прошлом». (Прибавлю, что теперь Шрейдер в качестве гор^{одского} головы арестован за борьбу с большевизмом.) И оба имени стоят рядом в избира^{тельном} списке.

Далее Каца-Камкова центр^{альный} комитет с.-р. исключил уже из партии, как и некоторых других (Спиридонову⁶⁴, выступающую рядом с Троцким на митингах, другого Шрейдера⁶⁵ и др.). Но в списках и исключившие и исключенные идут рядом (рядом идут и арестованный теперь Шрейдер, и арестующие его Камковы и Спиридоновы!).

Это действительно «партийная драма», показывающая состояние нашей революционной общественности.

Для меня тут есть еще небольшая личная драма: стал большевиком и тоже исключен из партии Марк Андреевич Натансон, с которым я одно время жил в Якутской области⁶⁶. Он был очень дружен с Н. С. Тютчевым⁶⁷. Теперь оба во враждебных фракциях по вопросу о защите отечества и оба соц. – революционеры. Натансон то и дело выступает рядом со Спиридоновой в качестве с.-р. – максималиста, т. е. того же большевика. В Россию вернулся через Германию... Не знаю, как теперь встречаются Тютчев и Натансон. Не знаю также, где теперь третий из того же кружка, бывшего дружеского кружка в Якутской области, – Ос. Вас. Аптекман⁶⁸. Думаю, что он – не большевик... Не знаю также, как я лично встретился бы с Натансоном, – по крайней мере пока он в лагере торжествующих насильников...

Луначарский напечатал в «Известиях Петроградского Совета Революции» статью «Сретение». Сретает в качестве Симеона Богоприимца Иероним Иеронимович Ясинский⁶⁹ его, Луначарского, в качестве революционного сверхчеловека. В статье напыщенной и риторической Луначарский говорит, что вот Ясинский, которому делались упреки в том, что он «работал когда-то там-то»... Но вот он пришел приветствовать революционную демократию... «А вы, безупречные, – где вы?» – восклицает Луначарский. Дело, однако, не в том, где работал Ясинский, дело даже не в «Тараканьем бунте», который написал в свое время Ясин-

ский. Чехов работал тоже в «Новом времени», хотя и ушел оттуда впоследствии. А дело в том, что сей же Симеон Богоприимец также встречал Михаила Петровича Соловьева, начальника главного управления по делам печати, и был последним «назначен» в редакторы Пропперу⁷⁰ на место Далина⁷¹. И тотчас же он принялся проводить благовестование Соловьева. В «Биржевых ведомостях» он стал писать под псевдонимом «Кифа» и постарался превратить «Биржевые ведомости» в черно-консервативный орган. И только когда подписчик валом повалил из «Биржевых ведомостей», Ясинский тотчас переменял псевдоним и с благословения того же М. П. Соловьева стал писать «под Далина».

Теперь он пришел к новым насильникам над печатью, готовый писать и действовать «как вам будет угодно».

Вот сущность этого «сретения» в Зимнем дворце!⁶

В Полтаве продолжают гнусности. По декрету Ленина объявления отняты у газет и переданы правительственным органам. «Полтавский день» не подчинился и опять закрыт. Правительственный орган – это «совет революции». Его «Известия», значит, являются монополистами объявлений. Этот жалкий листок – теперь единственный печатный орган провинции. Редактировал его «цензор» Яков Городец-

⁶ «Я написал об этом вскоре большой фельетон, напечатанный в нескольких газетах». – *Примеч. В. Г. Короленко.* Речь идет о статье «Торжество победителей», которая появилась 3 декабря 1917 года в «Русских ведомостях».

кий. Чтобы оживить его (как оживлялись когда-то «Губернские ведомости»), он начал печатать в нем свою повесть «На заре» (лето, осень, зима и весна). Часть I. «В ссылке». Произведение странное, написанное так, что легко могло бы быть приспособлено и в «Московские ведомости». Вдобавок 18 ноября сей цензор развел такой натурализм (демократически называемый похабщиной), что на следующий день № 15 вышел уже с белой полосой вместо фельетона и с надписью: «Повесть „На заре“ снимается вследствие несоответствия ее направлению газеты».

Зима, долго щадившая нас, пришла: вчера с вечера выпал первый настоящий снег и сегодня держится.

23 ноября 1917

Печальное известие из ставки. Ею овладел прапорщик Крыленко с красногвардейцами и матросами из Кронштадта. Духонин убит⁷². Крыленко «возмущен» и проливает крокодиловы слезы.

24 ноября 1917

Параллель с аграрным движением 1903 г.⁷³. «Южному краю» пишут из Лебедина: недавно разгромлено имение Василевка, генерала Глазмана. Прежде всего перепились на винном заводе. Задохлись в цистерне 3 человека, 8 опилось до смерти, 22 отправлены в больницу... Племенной скот и инвентарь растащили по домам. Действовавшие энергичнее

или явившиеся ранее захватили больше, что вызвало неудовольствие солдаток: их мужей не было, когда они явятся, придется устроить уже новый дележ всего крестьянского имущества поровну... Наступило отрезвление. В экономию стали приводить угнанный скот... Василевские крестьяне стали рубить лес в имении графа Капниста, но крестьяне с Михайловки запретили, считая, что они имеют больше прав. Рубка леса была прекращена. До открытого столкновения дело не дошло («Южный край», 23-ХI-1917).

28-ХI-17

Под Белгородом в Харьковской губернии идет форменное и, по-видимому, кровопролитное сражение. Об этом сообщает уже официальный орган харьковского губернского комиссариата «Нова громада». Эшелоны ударников, с которыми, по слухам, идет Корнилов⁷⁴, движутся из Могилева на Дон, кружным путем. Большевистские войска задержали их между Сумами и Белгородом. Идет бой из-за обладания станцией Томаровкой в 28 верстах от Белгорода. По-видимому, Корнилова с этими эшелонами нет, а есть Деникин⁷⁵. По-видимому, ударникам удалось овладеть Томаровкой и «сражение происходило приблизительно верстах в 15 от Белгорода. В городе слышна канонада, доставляются раненые... Уже 25 с утра магазины не открывались, занятия в учебных заведениях прекращены. Город (по распоряжению революц. штаба) не освещается и погружен в полнейшую темноту...

Кровопролитие в самом сердце России» («Южн^{ый} край»), 26-XI).

29 ноября

22 ноября газета нар^{одных} социалистов, которая вместо «Народного слова» теперь называется «Слово в цепях», напечатала мою телеграмму по поводу гнусностей, сделанных над Плехановым. К нему, больному, три раза врывались с обыском, который производили чрезвычайно грубо. Положение больного ухудшилось. Пошла горлом кровь. Я уже думал, что моя телеграмма пропала в недрах большевистской цензуры. Но она напечатана⁷.

В том же номере газеты напечатана заметка «Саботаж просителей»: оказывается, что в Смольном с просителями очень любезны: по возможности удовлетворяют все просьбы. Давно бы выпустили и арестованных «за направление» журналистов, в том числе с.-р. и с.-д., если бы они сами или за них попросили. Но – просители не идут. «Одно время, – говорит шутливо А. Смирный, – предполагалось назначить премию каждому просителю. Теперь за недостатком денег этот проект оставлен и предполагают „предавать саботирующих просителей военно-революционному суду“».

Чернов в последней конференции петроградской организации партии соц. – революционеров уже счел нужным за-

⁷ «Власть народа», 19-XI-17. – Примеч. В. Г. Короленко.

ЯВИТЬ:

«Мы, всегда боровшиеся за Учредительное Собрание и во имя его, мы всенародно заявляем: если кто-либо посягнет на Учредительное Собрание, – он заставит нас вспомнить о старых методах борьбы с насильниками, с теми, кто навязывал народу свою волю. Если услышат они наш голос и если он остановит новую готовящуюся авантюру, тем лучше, если нет – не наша вина. Во всяком случае, они предупреждены» («Власть народа», 19-ХІ-17).

Этого еще не доставало! Чернов человек способный, но весь ушел без остатка в кружковую психологию. За границей доводил до нелепости антиоборончество, в России не мог отказать себе в удовольствии, несмотря на это, войти в оборонческое министерство⁷⁶, наделал немало глупостей, вел некрасивую кампанию против Керенского⁷⁷ и теперь с легким сердцем декларирует возврат к террору, т. е. к убийствам из-за угла... Трудно проявить более попугайский автоматизм и отсутствие чувства действительности! Сделать из Лениных и Троцких мучеников пролетариата, оправдать заугольным насилием открытые насилия красногвардейцев... Идея! А ведь – чего доброго. Мы и после революции остаемся рабами⁸

⁸ В «Киевской мысли» (16-ХІ – № 274) помещена заметка «Террористическое покушение». Пока эта банда неизвестных вам вымогателей в солдатской форме требовала у фабриканта Ункера 100 тыс., а получила только 100 руб., и бросила в окно бомбу. Дело было в Киеве. Бомба взорвалась, но никто (случайно) не по-

5 декабря 1917

В газете «Свобода и жизнь» – «органе демократической интеллигенции», издающемся в Москве⁷⁸ кружком писателей (с оттенком индивидуализма), напечатано 27 ноября письмо студента Льва Резцова, которое редакция озаглавливает «Вопль отчаяния».

«Месяца три назад, – пишет этот студент, – я записался в студенческую фракцию партии нар<одной> свободы с искренним желанием работать в ней». В окт<ябрьско>-ноябрьские дни всей душой стоял на стороне белой гвардии и своих товарищей, боровшихся с большевиками.

Теперь он вышел из партии. Этого мало, – он зовет к большевикам. Почему? Сила на их стороне. «Большинство, способное штыком и пулеметом защищать свои идеи, это большинство несомненно на стороне большевиков». Отрезвить массы могут только факты...

Итак, пусть большевики тащат к пропасти. Но это единственный выход. Остается одно: во имя родины помочь большевикам в их прыжке. Иначе погибли мы все, погибла Рос-

страдал. В той же «Киевской мысли» (14 окт. 1917, № 248) приводится заявление украинца Шаповала: «Подобно тому, как российская революционная демократия боролась с абсолютизмом всеми способами, даже террористическими, так и мы, украинские революционеры, будем бороться с „русскоцентризмом“, к каким бы способам борьбы ни пришлось прибегать». – «Значит, вплоть до террора? – спрашивает газета... Но террор в свободном строе это лишь метод борьбы анархистов и бандитов». – *Примеч. В. Г. Короленко.*

сия! «Они уверены в успехе, следовательно, есть еще надежда». «Может быть, загорится действительно и на Западе великая революция».

«Может быть, – прибавляет Резцов, – я не согласен с некоторыми (?) положениями большевизма, может быть, бесчестно поступают большевики, скрывая от масс, какую страшную игру они ведут, – игру на всемирную революцию...» Но... автор прибегает к сравнению, когда-то употребленному В. А. Маклаковым⁷⁹. Россия – автомобиль, управляемый безумно смелым шофером. Автомобиль катится с горы. Впереди пропасть. И автор призывает не мешать безумно смелому прыжку... Авань перепрыгнут... Вот когда вспомнишь французское: *comparaison n'est pas raison*⁸⁰

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.